

«Тетради Евфросинии Керсновской» в Сахаровском центре

Забывать невозможно

Сергей Сафонов

Имя Евфросинии Антоновны Керсновской (1907–1994), громко прозвучавшее в разгар перестройки — с публикациями в «Огоньке», «Знамени» и даже с многостраничным иллюстрированным альбомом «Наскальная живопись», выпущенным в знаковое для страны 1991 году, — сегодня снова под спудом. Автор многочисленных рисунков с комментариями, зафиксировавших драматичные моменты отечественной истории середины XX столетия, увиденные не глобально, а с точки зрения так называемого «простого человека», бывшего песчинкой в механизме сталинской государственной машины, Керсновская создала уникальное историко-художественное свидетельство в нетривиальном для своего времени жанре рисованного альбома.

Она родилась в дворянской семье. Отец, бывший известным в Одессе юристом, на второй после революции год был арестован чекистами, но сумел избежать расстрела и спешно отправился с семьей в Бессарабию, где еще сохранилось родовое имение. Впро-

чем, вновь наступившее благополучие было недолгим: в 1940-м, когда Бессарабия была аннексирована Советским Союзом, Керсновская, единственная из родственников, осталась в СССР, наивно мечтая оказаться полезной отечеству. Применение ее энтузиазму нашлось специфическое, но для того времени не уникальное: всего через год она оказалась на сибирском лесоповале. Побег и полторы тысячи километров, в одиночестве пройденные по тайге, обвинения в шпионаже

и антисоветской агитации, лагерь, новое следствие по причине доноса, норильские лагеря, работа на шахте — так конспективно выглядит биография Евфросинии Керсновской. Только в 1957-м, выяснив, что ее мать живет в Румынии, Керсновская вместе с ней поселилась в Ессентуках: путь в большие города бывшим осужденным был тогда заказан. Тогда же, накануне хрущевской «оттепели», Евфросиния Керсновская взялась за карандаши и кисти, постаралась зафиксировать по памяти те круги советского ада, что ей довелось преодолевать.

На очередном витке нашей новейшей истории выставка «Тетради Евфросинии Керсновской» в Музее и общественном Центре имени Андрея Сахарова предлагает вновь обратиться к ее наследию. Сшитые тетрадки — не самый приспособленный для показа изобразительный материал: можно выставить в витрине страничку или разворот. Однако автор нынешней инсталляции Валерий Риван нашел оптимальное решение для подачи. В затемненном, с неоштукатуренными кирпичными стенами пространстве бывшего гаража (здесь когда-то состоялись «Идея музея СССР», «Осторожно, религия!» и другие шумевшие выставки) с потолка свисают низкие лампы под конусообразными абажурами. Каждая освещает свой стол — дощатый, обожженный, накрытый кулачковой скатертью или крашеный узнаваемо-казенной зеленой краской. Подвешенные на тонкой проволоке столы будто бы парят в воздухе, образуя в сумме непрочные мостки, переброшенные по диагонали выставочного пространства. На каждом — одна или две тетради (не подлинники,

Евфросиния Керсновская.
Фото 1958 года

Выставка в Сахаровском центре — один из наиболее удачных выставочных проектов уходящего года

а чуть увеличенные для удобства восприятия сброшюрованные принты). Попадая сюда, зритель передвигается от стола к столу, останавливаясь, перелистывает разложенные в хронологическом порядке тетради, читает комментарии под рисунками.

Рисунки по преимуществу страшные — не в смысле исполнения, а по сути. За бытовыми подробностями, укладывающимися в абзац под картинкой, встает жизнь страны. Вот, например: «После суда, получив десять лет ИТЛ и пять лет «по рогам» (поражение в правах), я очутилась в БУРе (барак усиленного режима). Здесь, в прачечной, женщины по 12 часов в сутки стирали окровавленное белье,

доставляемое с фронта. Какой смысл везти 4000 км это белье чтобы мы стирали его в холодной воде и притом — почти без мыла?!» На единственной светлой стене за стеклом несколько страниц-подлинников, выполненных рукой автора. А также романтические горные виды и букеты — их Евфросиния Антоновна любила изображать еще до освобождения. «В неволе я встречала много хороших, достойных всякого уважения людей. Кое-кто там еще остается. Я сохранию о них добрую память и рада буду им быть полезной, — записала как-то Керсновская. — Забыть же то, что я там видела и пережила, — это абсолютно невозможно!»

Евфросиния Керсновская